

М. Ю. Загирняк

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОНЯТИЯ «ОБЩЕЙ ВОЛИ»
В СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ Ж.-Ж. РУССО,
И. КАНТА И С. И. ГЕССЕНА

Исследуется взаимосвязь общей воли и демократии в философских системах Ж.-Ж. Руссо и И. Канта и их влияние на специфику концепции общей воли и ее связи с демократией в философии С. И. Гессена. Сопоставляются классическая система разделения властей, поддерживаемая Ж.-Ж. Руссо и И. Кантом, и новая система разделения властей, предлагаемая С. И. Гессеном.

This article analyses the interrelation between general will and democracy in the philosophical systems of J.-J. Rousseau and I. Kant, their influence on the concept of general will, and its connection with democracy in the philosophy of S. Gessen. The author compares the classical system of division of powers, supported by J.-J. Rousseau and I. Kant, and the new system proposed by S. Gessen.

Ключевые слова: общая воля, суверенитет, право, разделение властей, демократия.

Key words: general will, sovereignty, law, division of powers, democracy.

Практическая философия И. Канта несомненно повлияла на демократические воззрения С. И. Гессена. Социально-философское учение С. И. Гессена о правовом государстве и гражданском обществе корнями уходит в кантианские размышления о роли демократии и либеральных ценностей в достижении идеального общественного устройства. А демократия напрямую связана с проявлением общей воли, а также возможностями ее становления.

Огромный вклад в осмысление понятия общей воли внес Ж.-Ж. Руссо, поэтому целесообразно будет изучить его мнение по вопросу взаимосвязи народной воли и демократии.

Рассмотрим взгляды Ж.-Ж. Руссо и И. Канта на взаимосвязь общей воли и демократии и их влияние на оценку Гессеном роли демократии в процессе формирования общей воли.

«Общей волей» обозначается *единство* волеизъявлений индивидов, т.е. она принадлежит не определенному лицу, а представляет весь народ. Руссо подробно разрабатывает понятие общей воли: «Немедленно вместо отдельных лиц, вступающих в договорные отношения, этот акт ассоциации создает условное коллективное Целое... Это Целое получает в результате такого акта единство, свое общее я, свою жизнь и волю» [10, с. 161]. Как мы видим, Руссо специально делает акцент на слове «*единство*». Общая воля обладает собственным «я», не сводимым просто к сумме волеизъявлений индивидов, а представляющим собой новое качественное волеизъявление. Именно из этого единства происходит общественный порядок, и поэтому на основе данного единства можно строить планы по достижению правового государства: «До тех пор, пока некоторое число соединившихся людей смотрит на себя как на единое целое, у них лишь одна воля во всем, что касается общего самосохранения и общего благополучия» [10, с. 228]. Таким образом, общая воля может быть нацелена только на благо всего общества, потому что все люди стремятся к благу. Более того, только общая воля — единственный инструмент воздействия на государство. Чтобы достучаться до правительства, нужно обеспечить возможность каждому гражданину участвовать в законодательстве, «ибо кто может знать лучше самих граждан, при каких условиях подобает им жить совместно в одном и том же обществе?» — пишет Руссо [12, с. 33]. Поэтому закон — это «публичное и формальное провозглашение общей воли относительно предмета, представляющего общий интерес» [11, с. 356]. Однако Руссо не оставляет возможности личной свободы, личного выбора, поскольку все частные волеизъявления должны необходимо подчиняться общей воле как единственно правильной, эталонной. Таким образом, пытаясь найти механизм для взаимодействия частного лица и государства, он формулирует «абсолютизм общей воли» [14, с. 191].

Вслед за Руссо Кант утверждает, что общая воля есть не просто совокупность волеизъявлений индивидов, а новое качественное состояние, происходящее из *связи* данных волеизъявлений: «...достижение цели можно ожидать не от свободного соглашения отдельных людей, а только путем все усиливающейся организации граждан» [4, с. 1070]. Более того, власть изначально принадлежит всему населению, и поэтому все люди обладают равными правами и свободами: «Из определения общества уже явствует, что члены общества должны иметь одинаковые права и обязанности относительно друг друга» [15, с. 201—202]. Следовательно, Кант отмечает прочную

связь между общей волей и демократией. При этом, как и в концепции Руссо, общая воля, согласно Канту, должна управлять государством. Кант фиксирует закономерность: «Власть распространяется так далеко, как народ может решить относительно самого себя» [15, с. 201]. Однако в отличие от Руссо Кант провозглашает приоритет личности перед государством, перед общей волей. Кант характеризует право как всеобщее взаимное принуждение, совместимое со свободой каждого [6, с. 77]. Таким образом, право происходит из возможности каждого предписать для исполнения максимы собственной воли, при условии, что данные максимы годятся для того, чтобы быть всеобщим законодательством, а значит, разумеется, не нарушают произвол других лиц. При этом учитывается равенство всех, а значит, одинаковая возможность каждого сделать собственные максимы, соответствующие необходимым критериям, частью всеобщего законодательства.

Отличие учения Гессена от концепций Руссо и Канта заключается в том, что в его философии воплотились лучшие черты учений об общей воле. Гессен учитывает необходимость изначального единства для организации общежития: «Очевидно, что человечество, которому единственно может принадлежать неограниченное право собственности на все вещи... есть не механическая сумма в настоящий момент живущих на земле людей, а незримое, сверхэмпирическое единство человеческого рода...» [3, с. 300–301]. Гессен солидарен с Руссо в вопросе о статусе общей воли, ее неоспоримости как высшей инстанции, вместе с тем он принял идею Канта о том, что свобода личности является высшей и неоспоримой ценностью. И именно общая воля имеет возможность не только изменять право, но и защищать индивида: «Отдельная личность слишком слаба в современном обществе, для того чтобы в одиночестве отстаивать признанную за ней свободу совести и убеждения. Последние превращаются в пустое слово, если личности не предоставлено право распространять свои убеждения и отстаивать себя в союзе с другими лицами» [2, с. 115]. Чтобы сформировалось народное единство, все граждане на равных условиях должны обладать возможностью поучаствовать в формировании общей воли. Кроме того, Гессен, так же как и Кант, фиксирует взаимосвязь между демократией и личной свободой: «Для личной свободы каждого гражданина... далеко не безразлично, будет ли законодательная власть принадлежать кучке избранных или весь народ будет принимать в нем участие» [2, с. 139–140]. Только демократический способ управления государством позволяет отстоять свои права и свободы каждому гражданину. Поэтому нужно создать ситуацию, чтобы формирование общей воли происходило наиболее плодотворно, для чего требуется максимально расширить круг людей, причастных к законодательству, и тем самым использовать весь возможный потенциал общества для выработки единой народной воли. Народ, выражая общую волю, должен навязывать власти необходимость расширения свободы.

Для обеспечения неоспоримости права народа на управление государством Руссо связал понятие общей воли с суверенитетом, образовав тем самым *понятие суверенитета народа* [14, с. 186].

По концепции Руссо, *суверен* — это понятие, обозначающее субъекта, в руках которого сосредоточена вся полнота законодательной власти и который осуществляет общую волю: «...в Государстве существует сила, его поддерживающая, и общая воля, направляющая эту силу; приложение одной к другой и образует суверенитет» [9, с. 316]. Если все граждане государства совместными усилиями создают общую волю, то исполнительная власть воплощает в действующих кодексах законодательства волю народа. Поэтому законодательство должно принадлежать всему народонаселению государства, т.е. суверен должен совпадать с народом, чтобы «у суверена и у народа могли бы быть только одни и те же интересы» [12, с. 32].

Однако демократия содержит в себе потенциальную опасность деспотизма большинства. О данной угрозе говорит Руссо, отмечая, что если народу предоставить власть, то тогда законодательство будет закреплять те пожелания, за которые проголосует большинство, «на чью сторону склоняется тогда наибольшее число, на той стороне Закон и власть» [11, с. 364]. Чтобы избежать деспотизма большинства, необходимо произвести разделение властей. «Если бы возможно было, чтобы суверен, рассматриваемый как таковой, обладал исполнительной властью, то право и действия так смешались бы, что уже неизвестно было бы, что Закон, а что — не он, и Политический организм, так извращенный, стал бы вскоре добычей того насилия, противостоять которому он был создан» [10, с. 224].

Кант перенимает у Руссо понятие суверенитета народа: «...объединенный народ не только *представляет* суверена, но он сам *есть* суверен; ведь именно у него [у народа] в руках первоначально находится верховная власть» [6, с. 205–206]. Законодательные решения, единолично принятые государем, сформированные в кругу аристократии или одобренные большинством народонаселения государства, претендуют на статус выражения общей воли, но

реально общую волю во всей ее полноте не представляют [6, с. 202–205]. Все перечисленные формы государства тяготеют к деспотизму определенной группы населения над остальными. Единственное, что можно варьировать, — это представительство в законодательстве.

Кант по вопросу представительства выделяет два полярных способа осуществления деспотизма:

- 1) автократический деспотизм одного против всех, «где лишь *один* законодатель» [6, с. 203];
- 2) демократический деспотизм всех против одного [5, с. 859].

Правовое государство и гражданское общество достигаемы при республиканском устройстве. Однако нужно учесть особенность, что *республика* в философии Канта не является обозначением определенной формы государственного правления, а, скорее, выступает в роли идеала развития государственного устройства [5, с. 880]. При этом стоит отметить важную характерную черту республики в кантовском понимании: «Всякая истинная республика есть и не может быть не чем иным, как *представительной системой* народа, дабы от имени народа путем объединения всех граждан обеспечить их права...» [6, с. 205].

В трактате «К вечному миру» Кант выделяет три существенные черты республики:

1. Каждый член общества свободен.
2. Каждый член общества подчиняется единому общему законодательству.
3. Все граждане государства равны [5, с. 867–868].

Таким образом, идеальное государственное устройство подразумевает равенство возможностей всех для участия в законодательстве (соучастия в едином общем законодательстве), что и является признанием необходимости демократии.

При этом Кант отмечает, что при демократичном способе правления угроза деспотизма наиболее опасна. «И хотя два других государственных устройства всегда ошибочны... поскольку они допускают такой способ правления [деспотизм], тем не менее они могут во всяком случае принять способ правления, сообразный с *духом* представительной системы... демократическая же форма делает это невозможным, так как в ней всё хочет властвовать» [5, с. 869].

Чтобы обезопасить себя от демократии, насколько это возможно, народ делегирует права судить и администрировать для предупреждения деспотизма, исходящего от себя. «Чего не может делать народ, того не может делать также никакой суверен. Он не может администрировать и судить, потому что тогда одна часть [общества] могла бы решать за другую и тем самым могла бы поступать несправедливо...» [15, с. 209]. Следовательно, при соблюдении *разделения властей* можно свести опасность деспотизма как единоличного правителя при автократии, так и народа при демократии к минимуму. «*Правительство*, которое было бы также законодательствующим, следовало назвать бы *деспотическим*... <...> Властитель народа (законодатель)... не может быть одновременно *правителем*...» [6, с. 174–175] — пишет Кант. И также говорит о необходимости выделения судебной власти, чтобы ни правительство, ни законодательство не вынесли гражданину несправедливого решения, поэтому «ни властелин государства, ни правитель не могут *творить суд*...» [6, с. 175].

Учение Канта о равенстве возможностей всех для участия в законодательстве повлияло на *неолиберальную правовую концепцию* Гессена. Гессен солидарен с Руссо и Кантом в оценке демократии: «...самодержавная монархия должна была уступить место “демократии” как техническому средству пронизания государственной власти правом» [3, с. 302]. Демократия необходима, потому что обеспечивает вседоступность законодательства, а значит, позволяет учесть наиболее широкий диапазон народного представительства в формировании общей воли. Только тогда общая воля выражается наиболее полноценно, представляя собой «подлинное самоуправление народа» [3, с. 463].

Неолиберальная правовая концепция находит возможность избежать угрозу деспотизма демократии за счет определения суверенитета исключительно как характеристики права: «В обществе... нет универсального суверена, ибо индивиды, из которых слагается общество, не могут быть вполне всесторонне представлены ни одной формой объединения» [3, с. 365]. Поэтому суверенитетом должно обладать не население, а само право как таковое: «На месте суверенитета народа, который вследствие отсутствия общей воли как факта на деле всегда вырождается в господство какой-нибудь группы, самозванно выдающей себя за весь народ, становится тем самым “суверенитет права”, которому всякая власть, только созидаящая, а не выражающая общую волю, должна подчиняться» [3, с. 201–202].

В таком случае суверенитет действительно будет принадлежать всему обществу, а общая воля будет выражаться наиболее полно благодаря *праву*. И тем самым решается проблема деспотизма большинства, содержащаяся в демократии.

Истоки идей о статусе права С. И. Гессена находятся в социально-политических работах Ж.-Ж. Руссо и И. Канта. Право изначально обладает верховенством над государством, пишет Руссо, «Закон там ставится выше людей; вы там всюду увидите требования свободы, но не выходящей из-под власти законов, без которых свобода не может существовать и подчиняясь которым мы всегда свободны, какого рода Правление ни было бы» [11, с. 359]. Его размышления продолжает Кант, акцентируя внимание именно на значении права и отводя государству роль инструмента в оттачивании права. «Право человека должно считаться священным, каких бы жертв ни стоило это господствующей власти... всей политике стоит преклонить колени перед правом...» [5, с. 893]. Более того, Кант сосредоточивает внимание на народе, указывая тем самым роль общей воли для совершенствования права: «Критерий всего того, что принимается как закон для того или иного народа, заключается в вопросе: принял бы сам народ для себя такой закон» [8, с. 16].

Гессен — яркий представитель русского неолиберализма, характеризуемого им же «как попытка синтеза общечеловеческих ценностей классического либерализма и социальных программ демократического социализма» [13, с. 158]. Отсюда происходят социалистическая ориентированность учения о праве и государстве и, следовательно, критика либеральных концепций, в частности критика излишней функциональности, которой либерализм наделил государство, отчего понятия права и государства стали отождествлять. «Только с либерализма идет отождествление государства с правом в виде поставления государству в качестве единственной и не исчерпывающей его задачи правотворчества и правоохраны» [3, с. 401]. Согласно неолиберальному толкованию именно понимание государства и права как единого и неразделимого механизма породило угрозу деспотизма демократии. И именно право является критерием совершенствования общества на пути к идеалу. «Только оно способно обуздать хозяйство, поставить его на надлежащее место в культуре и расчистить почву для новой “органической” эпохи, в которой господствовали бы “объективные начала”» [3, с. 232]. Чтобы право было независимым, то есть суверенным, оно должно выйти за пределы закона, устанавливаемого государством [3, с. 379], стать *социальным*. Сообщества устанавливают *собственные правопорядки*, выражающие интересы определенных социальных групп.

Государству отводится функция *координации* в обществе: «государство же остается для общества тем последним авторитетом, который размежевывает в нормах права функциональные сферы действия различных общественных организаций и их правопорядков и которому принадлежит тем самым “компетенция компетенций”» [3, с. 408]. Следовательно, правотворчество выводится из полномочий государства и отдается на откуп частным и общественным лицам, то есть правотворчество вырывается из рук государства и отдается народу. Таковое становится возможным благодаря новому пониманию права: «в первую очередь как независимого от государства права социального» [3, с. 379]. Государство должно отречься от использования права в качестве инструмента собственного укрепления и процветания и поставить превыше всего личность, а значит, признать приоритет права над государством. Тогда право станет социальным и будет отражать интересы всего народа и каждого человека в отдельности, тогда естественное право будет встраиваться в систему действующего права с такой интенсивностью, насколько это действительно необходимо обществу на данном этапе развития и осознания свободы. Следовательно, когда право ставится превыше государства, когда право является регулятором между позитивным правом и правом естественным, выражаемым через общую волю, данная тенденция оптимальным образом реализуется *демократически*.

Система социального права предполагает новый принцип разделения властей, а именно по функциям [3, с. 366], более предпочтительный, чем традиционное разделение властей на законодательную, исполнительную и судебную (формальное разделение власти на стадии [3, с. 366], по словам Гессена), поскольку в современном все более и более усложняющемся обществе стирается граница между законодательной властью и исполнительной [3, с. 364], тем самым повышается опасность деспотизма власти. Согласно функциональному принципу выделяются:

1. Государство как координирующая организация.
2. Множество координированных социальных правопорядков, которые представляют сферы интересов индивида.

Каждый индивид мыслится многофункционально, именно в нем пересекаются социальные организации, каждая из которых представляет определенную сферу жизни индивида¹. И все социальные организации «должны находиться между собой в отношении взаимно согласованных друг с другом и ограничивающих друг друга правопорядков (в отношении *координации*)» [3, с. 384].

Государство же обретает новую функцию: становится «компетенцией компетенций», следит за порядком в координации коллективных лиц, «остаётся для данного общества тем последним авторитетом, который размежевывает в нормах права функциональные сферы действия различных общественных организаций и их правопорядков» [3, с. 408].

Помимо того, государство, так же как и право, в соответствии с неолиберальными канонами Гессен наделяет *социальными* обязательствами, чтобы установить «такой уровень жизнеобеспечения, который избавляет человека от участи добровольного раба, от продажи своей свободы, своего тела, волеизъявления или политического решения» [13, с. 166].

Руссо замечает, какая несправедливость творится в обществе [12, с. 84], и мечтает об идеальном устройстве общества, в котором обеспечиваются права и свободы каждого гражданина. Однако сам считает предлагаемый итог развития общества лишь идеальной моделью: «Когда возрастает неравенство между народом и правителями, это вскоре даёт о себе знать в отношениях между частными лицами, и оно видоизменяется тысячью способов в зависимости от страстей, дарований и случайных обстоятельств» [12, с. 93]. Государство не обязано обеспечивать равенство иных возможностей для самореализации, кроме возможности участия в законодательстве.

Кант в своих рассуждениях о правовом государстве также признаёт правовым государство, в котором провозглашены демократические права, и видит, что неравенство в обществе продолжает существовать и нарастать: «...всеобщее неравенство между людьми как подданными государства вполне уживается с величайшим неравенством в размерах и степени их обладания...» [7, с. 235]. Однако философ не видит причин для государственного вмешательства в поддержание равенства в обществе: «...как подданные они в *правовом* отношении совершенно равны друг другу (право как выражение всеобщей воли может быть только одно и касается только формы права, а не его материи или объекта, на которые я имею право)» [7, с. 236].

Гессен предлагает существенное изменение, произведенное из синтеза либерализма и социализма: «...государство обязано не только не вмешиваться в частную жизнь граждан, но и помогать им... в ряде определенных случаев» [3, с. 182]. Должны осуществляться права, а не только провозглашаться, поэтому равенство нужно не только провозглашать, но и обеспечивать: «...равенство понимается не отрицательно — как отсутствие сословных привилегий и препятствий... но и в известной мере положительно — как предоставление каждому лицу условий, содействующих такому продвижению» [3, с. 192]. Таким образом, Гессен предлагает расширить функции государства и при этом не нарушить личные права индивида, не вмешиваясь в личную жизнь. Другими словами, согласно неолиберальной правовой теории государство должно обеспечивать *социальную защиту* населения.

Бесспорно, социально-политические взгляды Руссо и Канта повлияли на правопонимание Гессена. Трактовка Гессеном понятия общей воли имеет определяющее значение для оценки возможностей демократии. Согласно взглядам Руссо и Канта, общая воля представляет собой *единство* народа, а не *сумму* частных волеизъявлений, поэтому может использоваться как рычаг воздействия на действующую систему законодательства.

Демократия является оптимальным способом организации власти для всех участников процесса становления общей воли потому, что именно при таком способе правления задействована максимальная часть дееспособного населения, что расширяет потенциал для формирования общей воли и увеличивает количество возможных решений для внесения поправок в действительные кодексы права.

Рассуждения Руссо и Канта о безусловном приоритете права над государством лежат в основе взглядов Гессена о *социальном праве*. Институт права будет показывать степень осознания свободы в обществе, а также уровень влияния общей воли, если вывести его из государственной сферы. Согласно неолиберальной концепции право должно быть независимым, чтобы многочисленные сообщества устанавливали *собственные правопорядки*, тем самым органически формировалась бы общая воля.

¹ «В обществе... нет универсального суверена, ибо индивиды, из которых слагается общество, не могут быть... всесторонне представлены ни одной формой объединения» [3, с. 365].

Более того, Гессен, опираясь на рассуждения Руссо и Канта о суверенитете, разрабатывает теорию *суверенитета права*, с помощью которой снимает угрозу деспотизма, потенциально содержащуюся в демократии. Посредством отстранения государства от права, т.е. благодаря новому способу разделения властей и, следовательно, новому распределению полномочий в обществе, пропадает возможность проявления деспотизма. Суверенитет принадлежит только лишь праву, и все сообщества имеют возможность создавать правопорядки, сосуществование и сотрудничество которых будет согласовывать государство. В трактовке Гессеном понятий права и суверенитета обнаруживаются существенные отличия по сравнению со взглядами Руссо и Канта, тем не менее основа правового учения Гессена уходит корнями в философию данных мыслителей.

Кант и Руссо пишут, что провозглашение прав и свобод не решают социальных проблем, потому что сохраняется общественное неравенство. Гессен также уделяет внимание данному обстоятельству, но в отличие от Руссо и Канта считает, что данную проблему необходимо решать. Поэтому *социальные* черты в философии Гессена приобретает не только право, но и государство. Государство обязано не только провозглашать права и свободы, но и обеспечивать возможность их реализации. Каждому индивиду государство обязуется создать условия для самоактуализации в обществе, при этом естественные права и свободы должны остаться неприкосновенными.

Гессен выстроил учение о демократии на основе идей Канта и Руссо об общей воле и обогатил свою концепцию социальной компонентой, синтезировав либеральное учение о естественных правах с социалистическими измышлениями о функциях социальной защиты государства.

Список литературы

1. Гессен С.И. Идея нации // Избр. соч. М., 1998.
2. *Его же*. Политическая свобода и социализм // Там же.
3. *Его же*. Правовое государство и социализм // Там же.
4. Кант И. Антропология с прагматической точки зрения // Кант И. Критика чистого разума. М.; СПб., 2007.
5. *Его же*. К Вечному миру // Там же.
6. *Его же*. Метафизика нравов: в 2 ч. М., 2007.
7. *Его же*. О поговорке «Может быть, это и верно в теории, но не годится для практики» // Избр. соч.: в 2 т. Калининград, 2005. Т. 1.
8. *Его же*. Ответ на вопрос: что такое просвещение? // Там же. Т. 2.
9. *Его же*. Об общественном договоре, или Опыт о форме Республики (Первый набросок) // Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М., 1969.
10. *Его же*. Об общественном договоре, или Принципы политического права // Там же.
11. *Его же*. Письма с горы // Там же.
12. *Его же*. Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми // Там же.
13. Соловьев Э.Ю. Философско-правовые идеи В.С. Соловьева и русский «новый либерализм» // История философии: учеб. пособие для студентов и аспирантов высших учебных заведений. М., 2001.
14. Федорова М.М. Классическая политическая философия. М., 2001.
15. *Фрагменты* из подготовительных материалов к «Метафизике нравов» // Кант И. Трактаты. Рецензии. Письма. Калининград, 2009.

Об авторе

М.Ю. Загирняк — соискатель кафедры философии РГУ им. И. Канта, e-mail: mikhail.zagirnyak@gmail.com

Author

M. Zagirnyak, PhD student, Department of Philosophy, IKSUR, e-mail: mikhail.zagirnyak@gmail.com